

Речь архимандрита Дамиана при наречении во Епископа Переславского

Богомудрые Архипастыри!

Благословением Святейшего Патриарха и Священного Синода православной русской церкви согласно избранию первосвятителя церкви Владимирской призываюсь я недостойный на высшее служение в сане Епископа. Отныне на высокие возводит меня Господь. Но эта высота слишком обязывает. Отныне свет от жизни, свет от добрых дел моих должен светить большему кругу лиц, вверяемых моему духовному водительству. Отныне постоянно при служении буду внимать я небесному Христову призыву: «так да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя, и прославят Отца нашего, иже есть на небесех».

Призвание моё к епископскому служению совершилось в великие дни страстной и светлой седмиц. Эти святые дни были, как и весь предшествующий год, тревожными, тяжёлыми днями для нашей церкви и родины. Призвание к епископскому служению явилось для меня в эти дни полной неожиданностью. Могу сказать, оно застигло меня врасплох, совершенно неподготовленным к нему, именно, в эти дни. Случайным гостем оказался я в древнем Владимире у любвеобильного Архипастыря, с коим весьма нередко и в былые годы сретал и проводил страстные и светлые дни в общении молитвы, мира, любви и радости духовной. И вот в нынешний великий четверг после Службы в Кафедральном соборе я впервые узнал о назначении меня в древний Переславль-Залесский. Так судил о мне Господь. Усмотрел я в этом — определение Божественного Промысла, твёрдо памятуя, что от Господа исправляются пути человека (Пс. 46, 23).

С чувством священного трепета, душевного умиления и спокойной радости принял я эту весть. В этот священный момент жизни, в момент исключительный, неповторяемый, при мысли о высоте, святости и трудностях епископского служения никто из земнородных не может не вострепетать и не содрогнуться. Трепетом исполнилась и моя душа. Разумеется, не мог я рассчитывать на свои слабые человеческие силы; у меня больше немощей, чем этих сил. Для меня оставалась одна надежда на помощь Божию, на содействующие молитвы верующего православного народа. Своё упование возлагал я и на силу ваших святительских молитв, изводящих спасительную благодать, немощная врачующую, оскудевающее восполняющую. К этому и были направлены мои мысли и чаяния тем легче и удобнее, что в эту сторону они направлялись у меня издавна ещё со времени моего иноческого пострижения. Мне всегда были памяты, для меня были постоянным жизненным правилом слова псалмопевца «Бог мой — скала моя, на Него уповаю» (Пс. 17, 3). Слова эти привёл мне в 1904 году нынешний Митрополит Владимирский, тогда ещё ректор духовной академии, при пострижении в монашество.

Священный трепет и умиление поддерживаются и питаются по мне в эти дни ещё той мыслию, что добрую весть получил я в тот день, когда вспоминается установление святейшего таинства причащения, этой основы и опоры всего нашего архипастырского и пастырского делания на земле; весть эту я принял после обряда омовения ног, в коем сказалась вся любовь и смирение Христово, Его спасительное единение с учениками — основа и залог победы Христовой любви над началами мира сего, торжества христианства в поднебесной,

с. 64

как и отмечено это в одном ирмосе — «союзом любви связуеми апостоли,.. благовествоваху *всем* мир». Умиление и священный трепет поддерживались во мне и за вечерним богослужением великого четверга. Внимая апостольской повести 12 евангелии о страданиях Христа Спасителя за грешный мир, переживая мысленно Его первосвященнический голгофский подвиг, я невольно представлял себе, что и архиерейское служение на земле, особенно в наши предательские голгофские дни, полно скорбей, лишений и страданий. Для меня слишком было очевидно, как тяжёл этот изящный, красиво драпирующийся святительский омофор, который завтра покроет и мои рамена; я видел, что он соткан не из дорогих тканей, а из безмерных испытаний.

В эти дни мне не чуждо было, святители Христовы, и спокойное чувство радости духовной. Это было именно чистое, спокойное чувство; радости чрезмерной, беспокойной и не могло быть у человека моего возраста, когда прожито более половины того срока, какой определён человеку у псалмопевца. Радостное настроение поддерживалось во мне и радостным содержанием пасхальных песнопений, что слушал я при служениях в сём храме и историческом Успенском соборе г. Владимира. Радовала меня и мысль, что епископское служение Бог судил мне проводить в стране истово-православной, где одно множество храмов и обителей говорит о нерастраченном ещё усердии, о чистоте веры и теплоте молитв обитателей её; радуюсь, что служение моё будет проходить в том уголке России, который может быть назван предпочтительно «святой Русью». Особенно же меня радует, что в своём новом, ответственном делании — я не буду одинок; моё служение отныне будет проходить под руководством и любвеобильным оком мудрого святителя, которого я навек любить и ценить неизменно с академической скамьи.

Вот мои переживания за эти неповторяемые дни. Трепет пересиливает во мне радостные настроения: слишком уж тяжки, мрачны и ответственны для архиерея переживаемые дни. Теперь мы, может быть, достигли крайней степени напряжения общецерковных и общенародных испытаний, мы, так сказать, в зените страданий. Трепетный и смущённый несу в сей нареченный и святой день к вам, святители Божии, раздаятели всемошной благодати всеятого Духа, несу свой крепкий молитвенный вопль: помолитесь обо мне недостойном, да покажет меня Господь во все дни жизни моей быть образом для верующих «словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою» (1 Тим. 4, 12), не ослабевая до последнего моего издыхания в святой ревности о спасении драгоценных душ человеческих.

1918. 28 апреля, г. Владимир.